

С.74-76

6. Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы // Мировая экономика и международные отношения. - 2001.- № 1-С. 3-157. Мельянцев В. Информационная революция - феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 2 - С. 3-10.

8. Симония Н. Глобализация и неравномерность мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 3 - С. 35-44.

9. Пефтиев В., Черновская В.

Развивающийся мир: глобализация или регионализация? // Мировая экономика и международные отношения.-2000.- № 7- С. 39-47.

10. Белорус О.Г., Лукьяненко Д.Г. і ін. Глобальні трансформації і стратегії розвитку. Монографія.- К.: Ориане, 2000.

11. Соколенко С.І. Глобалізація й економіка України.- К.: Логос, 1999.

Статья поступила в редакцию 14.10.2004

**О.А.МИРОНОВА, к.э.н., доцент,
Г.П.СОЛОДКОВ, д.э.н., профессор,
Институт мировой экономики Северо-Кавказской
академии государственной службы,
г. Ростов-на-Дону, Россия**

ПАРАДОКСЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗМ

Современный мир стремительно меняется, и сегодня ситуация складывается так, что тот, кто не хочет изменить себя в соответствии с меняющимся миром, рискует оказаться на обочине мировой истории. К тому же могут привести и попытки изолировать себя от него, отгородившись от перемен границами и ошестившись соответствующей идеологией. Впрочем, для того, чтобы противопоставить себя всему миру, сегодня нужно слишком многое, - гораздо большее, нежели прежде. Для этого надо быть действительно сильным, иначе та сила, которой ты пытаешься противостоять, оставит от тебя лишь пустое безжизненное пространство да горькую память о том, как не надо делать, впрочем, едва ли долгую. Поэтому тот, кто хочет выжить в современном изменяющемся мире и не потерять в нем свою идентичность, должен вписаться в него и изменить себя в нем - встроиться в него и подстроиться под него. И лишь тогда, когда, «прогнвшись под изменчивый мир», мы обре-

тем от этого некую выгоду, дающую нам реальную силу, можно попробовать заставить его «прогнуться под нас».

Современная Россия - и это слишком очевидная и слишком банальная истина, чтобы ее доказывать - не может ни прогнуть мир под себя, ни гордо отвернуться от него. Именно поэтому единственное, что нам остается - это попытаться войти в него, что мы не очень успешно делаем вот уже более десяти лет. Действительно, попытка России вписаться в постиндустриальный мир пришлась на не самое подходящее для этого время - период очередных великих перемен. Впрочем, мир всегда был изменчивым, и любое другое время для попытки интеграции России в мировой рынок могло бы оказаться не менее неподходящим. Сегодня такая интеграция осложняется, как это принято сейчас говорить, феноменами глобализации.

Современный мир стремительно

О.А.Миронова, Г.П.Солодков, 2004

меняется и, вопреки привычным линейным теориям необратимого поступательного прогрессивного развития, сегодня уже никто не может со всей определенностью утверждать, что мир меняется к лучшему. На пороге нового века и нового тысячелетия он стал иным, чем не только полстолетия, но и двадцать, и даже десять лет назад. С политической карты Земли исчез целый ряд государств, содружество которых некогда именовалось социалистическим лагерем, и на их месте, на обломках прежней сверхдержавы возникли молодые страны, уже не способные играть прежнюю значимую роль на мировой арене.

Завершилось длительное противостояние двух систем, вошедшее в историю как «холодная война». И если на момент завершения этого противостояния было еще непросто определить, есть ли в этой войне победители и проигравшие, то спустя десятилетие ответить на этот вопрос уже не составляет особого труда. Самопроизвольный распад Советского Союза сделал невозможным закрепление итогов «холодной войны» путем традиционных межгосударственных переговоров с жестким разграничением сфер влияния и взаимных обязательств сторон, а ставшая правопреемницей распавшейся сверхдержавы Россия упустила необходимое для этого время, переключив свое внимание на внутренние процессы передела собственности и власти. Это требовало все новых и новых уступок в мировой политике, что не замедлило сказаться на внешнеполитическом статусе страны.

Утратили первоначальный смысл понятия «второго» и «третьего» мира, поскольку после крушения системы социализма страны «второго мира» стремительно скатились в «третий», надолго заняв место на периферии мировой экономики. Изменилась расстановка сил в мировом масштабе: на смену мировой биполярности, основанной на военном, политическом, идеологическом и экономическом противостоянии двух систем, пришла монополярность, и оставшаяся вне конкуренции теперь уже единственная сверхдержава

принялась стремительно перестраивать мир под себя.

Утверждающийся новый миропорядок со стороны тех, кто, собственно, его и утверждал, ныне принято рассматривать как более стабильный и более безопасный, чем прежний, основанный на противостоянии двух идеологий. Основанием для такого оптимизма послужили оценки, указывающие на минимизацию угроз возникновения третьей мировой войны по образу и подобию прошлых, в том числе и с применением ядерного оружия. Потерпевший крах социализм перестал рассматриваться не только как реальная, но и как потенциальная угроза.

Однако резкое ослабление опасности тотальной войны изменило характер и иерархию угроз международному миру. Современная эпоха, несмотря на окончание «холодной войны» и другие изменения в мире, характеризуется возникновением множества новых опасных, труднопредсказуемых явлений и тенденций, таящих новые вызовы и угрозы. Роль главных дестабилизирующих факторов международных отношений все более активно начинают играть недооценивавшиеся прежде силы. В их числе - международный терроризм, подпитываемый религиозным фанатизмом и фундаментализмом, и внутренние конфликты, в том числе и на постсоветском пространстве, ставшие в условиях общемировых тенденций роста открытости мощнейшим генератором интернационализации международной преступности. Воспроизводственной средой для обоих этих вызовов современности являются нищета и бедственное положение подавляющего большинства населения планеты.

Значительные изменения происходят в развитии мировой экономики. Возникают новые формы международного сотрудничества, объединяющие различные виды ресурсов разных стран, развивается экономическая интеграция в рамках целых регионов, устраняются торговые и финансовые барьеры между государствами. Сейчас, как никогда прежде, мир становится все более зависимым и взаимозависимым,

стягиваясь в достаточно сложную системную иерархию, в которой чем ниже расположен тот или иной уровень, тем меньше у него шансов на развитие и преодоление своего status quo. При этом прямые и обратные связи в мире-системе настолько сильны, что изменения, происходящие даже на низших уровнях, способны нанести существенный ущерб не только вышестоящим уровням иерархии, но и мировой экономике в целом.

В экономических и социологических исследованиях последних лет все чаще стал высказываться тезис о том, что современный мир замкнулся, став конечным и ограниченным как в пространственном отношении, так и в плане ресурсов, которыми он располагает. Однако то, что мир стал единым и осознал свою замкнутость, не привело и, следует предположить, не приведет в дальнейшем ни к смягчению конкурентной борьбы на мировом рынке, ни к обретению ею черт совершенной конкуренции. Напротив, в условиях замкнутости ойкумены и ограниченности ресурсов конкуренция становится более жесткой и жестокой, возникают новые сферы соперничества, а сами способы борьбы даже на традиционных рынках становятся все более изощренными. Такое соперничество постепенно становится непосильным для отдельных государств или компаний, а результаты поражения в конкурентной борьбе того или иного ее участника могут вызвать совершенно непредсказуемые в мировом масштабе последствия.

Теоретическая простота концепций линейного развития больше не позволяет понять и дать объективную оценку ряду современных феноменов увеличения числа несостоятельных государств, регрессивных тенденций, четко разграничить и отделить процессы диверсификации и дифференциации, с одной стороны, от процессов фрагментации, деградации и распада с другой. В 1970 г. вышла в свет книга американского футуролога Э. Тоффлера «Шок будущего», в которой речь шла о нарастающем страхе человечества перед неизвестным грядущим. Спустя 30 лет это грядущее

приобрело вполне зримые очертания и воплотилось в явлении, получившем название «глобализация».

На протяжении последнего десятилетия это слово не сходит со страниц как серьезных научных, так и публицистических изданий. Мировая экономическая мысль ищет и находит самые разнообразные, порой даже взаимоисключающие ответы на вопросы, которые ставит перед человечеством феномен глобализации. До сих пор как в западной, так и отечественной экономической науке нет единства мнений по поводу того, что называть глобализацией, и какова в действительности ее природа.

Возможно, именно в результате отсутствия подобного единства понятие «глобализация» порой начинает приобретать некий чуть ли не мистический оттенок, рассматриваться как нечто трансцендентальное, непознаваемое, непонятное и поэтому едва ли не сакральное. По мнению известного немецкого исследователя глобализационных процессов У. Бека, «глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время».¹ Мотив непонятности того, что происходит, и тревоги по этому поводу зачастую приводит к излишней эмоциональности в оценке происходящих процессов. Когда вы подолгу всматриваетесь в бездну, бездна начинает всматриваться в вас. И вот уже почти в соответствии с этим изречением Ницше, «непонятная и непознанная» глобализация выступает как «нечто такое, что с непреодолимой силой меняет нашу повседневную жизнь и принуждает всех приспособляться и отвечать на эти изменения».² А вызовы глобализации начинают рассматриваться не больше и не меньше как «вызовы Дьяво-

¹ У. Бек. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс – Традиция. 2001. – с. 40.

² Указ. соч., с. 43.

ла»,³ грозящие гибелью и отдельным странам, и народам, и всему человечеству.⁴

Если же отбросить все мистические крайности, то можно сказать, что в настоящее время совокупность многочисленных суждений и взглядов на процессы глобализации можно условно разделить на два больших направления. Сторонники первого из них стараются выразить суть глобализации через описание и последующее исследование объективных процессов, прежде всего, в экономической области, реально происходящих в современном мире и радикально меняющих весь повседневный образ жизни современного человечества. В целом они рассматривают глобализацию как закономерный этап социально-экономического развития, хотя разнятся по поводу того, считать ли глобализацию относительно самостоятельным, принципиально новым явлением или же не вычленять ее из общего контекста развития международного разделения труда, понимая ее как современную стадию последнего.

Сторонники второго направления рассматривают процессы глобализации с точки зрения их субъективной направленности, понимая их как практическое воплощение в жизнь идеологии доминирования одной страны или узкой группы стран в мировом масштабе. Если подробнее рассмотреть комплекс субъективно - узкополитических трактовок глобализации, то можно увидеть, что они простираются от наиболее умеренных, пытающихся обосновать «особую» роль США и расположенных на их территории крупнейших ТНК в качестве главных субъектов процессов глобализации, и до прямых военно-политических разработок ряда «мозговых центров», прежде всего, американских (особенно грешат ими Фонд Карнеги, Ва-

шингтонский центр стратегических и международных исследований), ставящих уже конкретную «прикладную» задачу: обосновать право и необходимость «глобального руководства миром» со стороны США, включая прямое применение силы в международных отношениях.⁵ Впрочем, домогченных субъективистов, договаривающихся до того, чтобы считать глобализацию порождением «глобальной империи зла», сиречь США, у нас тоже хватает.

Поэтому, пожалуй, сегодня писать о глобализации – занятие тяжелое и неблагоприятное. В последние годы говорить о ней стало настолько модно, что камень в ее огород не бросил, вероятно, только ленивый. Да и пророчествовать по поводу того, какое будущее готовит глобализация человечеству, сегодня достаточно трудно, потому что развитие может пойти по какому угодно варианту, порой даже совершенно противоположному и отличному от того, что можно предсказывать, опираясь на сегодняшнюю ситуацию. Не углубляясь слишком далеко в историю, можно вспомнить, что на протяжении последних двух столетий человечество пережило несколько глубоких потрясений, вызвавших шоковые реакции с далеко идущими последствиями. И прогнозы будущего развития выходящих из них тенденций, строившиеся на основе достаточно глубокого теоретического осмысления, зачастую оставались также лишь теорией.

В первой половине и середине XIX века появление и стремительный рост

³ См. Новикова Л. Развитие России и мира как «ответ» на «вызов» современности // Власть, 2001, №12.

⁴ См., например, Абдулгамидов Н., Губанов С. Двойные стандарты однополюсной глобализации // Экономист, 2002, №3.

⁵ Теоретической базой подобных агрессивных доктрин служат разработки таких известных авторов, как родоначальники концепции «противостояния цивилизаций» С. Хантингтон и Б. Льюис. Эти авторы пытаются обосновать необходимость прямой военной интервенции со стороны США и их союзников по блоку НАТО против стран, получивших в современном политическом лексиконе название «стран-изгоев». Между тем практика убедительно доказывает, что за политическими и даже военными действиями сторонников «агрессивной глобализации» почти всегда стоят все же конкретные экономические цели, в частности, стремление в максимальной степени обеспечить преимущество собственному национальному бизнесу.

крупного машинного производства, привели к ломке привычного стереотипа жизни миллионов людей, к формированию армии наемных работников, к росту противоречий между трудом и капиталом. В сфере идеологии этот «шок индустриального капитализма» привел к появлению марксистской политической экономии, а в сфере политики – к коммунистическому движению. Но дальнейшее развитие в значительной степени пошло в разрез с рядом теоретических прогнозов классиков марксизма. В частности, не оправдались предсказания о нарастающей «нищете, невежестве и одичании» рабочего класса, которые должны были неизбежно привести к революционному взрыву. Не подтвердился и тезис об объединении пролетариев всех стран, – последние «не только не объединились во всеобщей борьбе против капитала, но напротив, активно истребляли друг друга несколько десятилетий спустя на полях первой и второй мировых войн».⁶

Подобное расхождение теории и практики случилось и с проецированием в будущее тенденций развития империализма. Вопреки теоретическим конструкциям его исследователей рубежа XIX и XX веков, мир не стал сферой эксплуатации единой гигантской корпорации, а оказался поделенным на сферы влияния десятков тысяч ТНК, конкурирующих между собой.

Так что, конечно, можно отмахнуться от исследования глобализации как от чего-то не слишком серьезного и уже навязшего в зубах. Время все расставит на свои места, ответит на все вопросы. Сломанные о глобализацию копья станут достоянием истории. Мир не рухнет, а через какое-то время придет к относительному динамическому равновесию. Все проходит, как сказал очень давно один мудрый иудейский царь, пройдет и это.

Тем не менее, мы позволим себе еще раз вернуться к этой избитой и уже изрядно поднадоевшей и даже раздра-

жающей теме. Вернуться хотя бы потому, что нам не безразлично влияние происходящих в мире перемен на Россию и ее судьба, которую наша страна путем проб и ошибок прокладывает в меняющемся мире. От того, как сейчас Россия приспособится к меняющимся условиям, зависит ее судьба в будущем. Есть такая известная притча о двух лягушках, упавших в молоко. Одна обреченно отказалась от борьбы, решив, что это бесполезно, и благополучно утонула. Другая же барахталась и билась до тех пор, пока не обнаружила, что стоит на твердом масле, которое сама же и сбила в борьбе за выживание. Очень хочется оказаться второй лягушкой, а не первой... Поэтому – еще раз о глобализации.

По мере исследования глобализации и тех процессов, которыми ее принято характеризовать, невольно возникает один принципиально важный вопрос: насколько вообще правомочно называть то, что сейчас происходит на мировом рынке глобализацией? Другими словами, насколько всемирный, глобальный характер носят происходящие в настоящее время перемены. Возможно, речь следует вести не о глобализации, а о чем-то ином, чему еще до сих пор не подобрано подходящее название.

По мнению ряда исследователей, в том числе и отечественных, новое качество международной экономики наиболее полно проявляется в универсальном развертывании рыночного механизма. Так, В. Чернухин считает, что «мы являемся свидетелями формирования рыночного развития мирового сообщества. Глобальность, универсальность, всеобщность рыночного механизма характеризует определенную степень целостности международной экономики. С распадом СССР и началом структурных преобразований в постсоциалистических странах стало наблюдаться нарастание гомогенности в мировом развитии с точки зрения всеобщности рыночных принципов ведения хозяйства. Происходит усиление единообразия на страновом и международном уровнях. Формируется экономическая среда (в отдельных странах,

⁶ Долгов С.И. Проблемы глобализации – полемика продолжается. Шок глобализации // Внешнеэкономический бюллетень, 2002. №11. С.5

регионах, мире в целом), функционирующая на базе общих принципов, правил, одинаково воспринимаемых ценностей, некоторых общих целей». ⁷ Вот только эти «общие принципы» почему-то по-разному работают в разных экономиках: в одних приводят к экономическому росту и техническому прогрессу, в других – к кастрированным бунтам, (вспомним хотя бы недавние события в Аргентине) или дефолтам - если уж обращаться к своей собственной новейшей истории. А «одинаково воспринимаемые ценности» на деле приводят к национальным трагедиям, подобным 11 сентября 2001.

По-видимому, само выражение «глобализация мировой экономики» таит в себе определенное преувеличение, поскольку глобализация носит пока еще далеко не всемирный характер. С точки зрения мировой экономической системы, процесс, который принято называть глобализацией, пожалуй, коснулся в полной мере лишь отдельных областей человеческой практики, а именно он проявляет глобальный характер только в сфере информации и телекоммуникаций, в финансово-банковской системе и в деятельности ТНК. Да и то, подобные процессы наиболее ярко проявились лишь в ряде развитых и наиболее «продвинутых» из числа развивающихся стран. Процессы постиндустриализации, с которыми часто связывают глобализацию, реально разворачиваются лишь в весьма ограниченном ареале мировых экономических и технологических лидеров. В большинстве же стран жизненные и потребительские стандарты разительно отличаются от западных образцов, а чудовищные коммуникационные проблемы не позволяют даже заикнуться о каком бы то ни было постиндустриальном обществе.

Не подтверждается посягательство данного процесса на глобальность и с геополитической точки зрения. Хотя в теории родовым признаком глобализации считает-

ся размывание национальных границ и формирование фундамента некой новой глобальной общности, однако, на практике ослабление влияния национальных государств как регуляторов международных экономических отношений еще не свидетельствует об отмирании самого понятия «национальное государство», и даже процессы конвергенции в рамках ЕС демонстрируют очевидные пределы интеграции. Кроме того, об ослаблении роли национального государства как регулятора МЭО можно говорить с определенной оглядкой, поскольку значимость на мировой арене государств, традиционно относимых к так называемому Центру, не только не уменьшилась, а напротив, существенно возросла. Причем в этих странах значительно усилилась роль государственного регулирования, что, кстати говоря, и явилось ответом на вызовы современности. Пожалуй, речь можно вести не об утрате значимости национального государства, а об изменении его функций и механизмов регулирования экономики.

Фактически применение термина «глобализация» может быть оправдано лишь в том случае, если речь идет не о нынешнем состоянии мировой экономики, а о процессе, тенденции, направлении общего развития. На наш взгляд, называемые глобализацией процессы на самом деле можно рассматривать как современную стадию международной интернационализации производства, обладающую, однако, определенными качественными особенностями, отличающими ее от предшествовавших этапов развития этого процесса более высоким уровнем международного разделения труда, обусловившим разные возможности для разных его участников.

Интернационализация как процесс преодоления пространственных барьеров представляет собой постепенное взаимопроникновение технологических и культурных стандартов, не затрагивающее государственного суверенитета. Глобализация в классическом понимании этого слова - это процесс, происходящий в иной плоскости. По мнению В. Рамзеса, она - в неко-

⁷ Чернухин В. Новая международная экономика: некоторые характеристики и противоречия// Власть, 2002, №11 с.3-4.

тором роде антитеза интернационализации, хотя определенные проявления глобализации (например, отчетливо выраженное усиление взаимозависимости государств), наблюдаются и в ходе развертывания интернационализационных процессов.⁸

Таким образом, мы будем исходить из того, что название «глобализация» не совсем корректно в отношении происходящего сегодня в мире. Но что же, собственно говоря, там происходит, и о каких качественных особенностях процесса глобализации на современном этапе можно говорить? Итак, сегодня в наиболее «продвинутых» странах так называемого «золотого миллиарда» происходит обусловленный НТП переход от индустриального общества к постиндустриальной или, как ее еще иногда называют, техногенной цивилизации. При этом современные изменения, происходящие в планетарном масштабе, к которым приводит вызревание этого общества, представляют собой результат развития объективных в целом процессов интернационализации производства. Однако эти объективные процессы движутся сегодня (и это обусловлено рядом столь же объективных обстоятельств) в субъективно-идеологическом русле интересов современного евроатлантического империализма.

В силу этого есть некоторое основание для определения, которое уже звучало на некоторых международных форумах, а именно – «евроамериканская глобализация». Пожалуй, подобная оценка является в чем-то близкой к истине, поскольку отражает происходящую в рамках современного развертывания процессов интернационализации производства экспансию североатлантической цивилизации. Поэтому в дальнейшем нашем исследовании, говоря о происходящих ныне процессах, мы будем использовать более корректное, на наш взгляд, понятие «североатлантическая экспансия». Можно сказать, что именно она и является характерной особенностью современного этапа интернационализации.

Однако как же быть со ставшим уже почти классикой положением о том, что глобализация приводит к выстраиванию мировой экономики в некую иерархию? На самом деле здесь нет ничего сверхнового, с чем бы еще не сталкивалась история человечества. Дело в том, что само по себе иерархическое устройство мира не является продуктом глобализации. Эта иерархичность возникла, по всей вероятности, вместе с возникновением самого мирового хозяйства, и мировая экономическая система всегда имела своих лидеров и аутсайдеров. Периодически происходила смена лидеров, изменялась геополитическая роль тех или иных государств, но сам иерархический характер сохранялся.

Особенностью же современного периода интернационализации производства стало изменение соотношения между внешними и внутренними факторами развития национальных экономик в пользу действующих извне, что было обусловлено значительной либерализацией межстрановых отношений в области торговли товарами и услугами, движения капиталов, рабочей силы и иных факторов производства. В немалой степени этому способствует стремительное развитие достижений НТП. В их числе выделяется, прежде всего, развитие метатехнологий, ярчайшим примером которых выступают глобальные компьютерные сети, формирующие информационное пространство в масштабе всей планеты и способствующие превращению мировых рынков товаров, труда и капитала в единый геоэкономический рынок, что благоприятствует небывалому в истории человечества усилению взаимозависимости между странами, включенными в мировой экономический организм.

Подобное усиление взаимозависимости обусловливается, по всей вероятности, фактом ограниченности мира и постепенным осознанием этого факта человечеством по мере его роста и развития. А если выразиться точнее, – осознанием прежде всего той его частью, которая сосредоточена в относительно небольшом числе стран «золотого миллиарда». Возможности

⁸ Леонтьева Е., Рамзес В., Юрков С., Мартынов В. Япония и глобализация. – М., 2001, с. 15.

же так называемого «догоняющего развития» для государств, не принадлежащих к этому числу, в которых проживает подавляющее большинство населения планеты, остаются весьма сомнительными. Очевидно, по мере развития социума в условиях ограниченного и замкнутого пространства взаимная зависимость между его членами возрастает пропорционально увеличению их численности. Ограниченность же ресурсов в замкнутом мире обуславливает все более жесткую конкурентную борьбу за обладание ими.

На практике происходит не просто консервация отсталости стран «третьего мира» от развитых западных государств, но и усиление разрыва между уровнями их социального и экономического развития, усиление и углубление регресса целых географических регионов. Согласно данным, приводимым в докладе о мировом развитии в 2000 – 2001 гг., подготовленном Всемирным банком, средние доходы в 20 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышают средние доходы в 20 беднейших странах, при этом за последние 40 лет этот разрыв удвоился. Подобные процессы планетарной стратификации имеют под собой сугубо экономическую, и в некотором роде технологическую основу.

До тех пор, пока человечество не изобрело принципиально новых источников энергии, не освоило иных, многократно более эффективных и безопасных принципов природопользования, ресурсы планеты остаются ограниченными, и следовательно, основным способом, обеспечивающим доступ к ним, будет сохранение такого порядка, когда более сильные регулируют распределение общечеловеческих ресурсов. На современном этапе интернационализации производства североатлантическая экспансия как возможность ничем не регулируемой конкуренции сильных и слабых, развитых и неразвитых в условиях планетарного рынка, свободного от каких бы то ни было протекционистских барьеров, фактически означает для стран Полупериферии и Периферии создание социал-дарвинистской среды естественного отбора. Это означает, что

отбора. Это означает, что даже в условиях свободной конкуренции, не говоря уже о конкуренции монополистической, у слабых и менее развитых государств не будет никаких шансов на догоняющее развитие. Не хватит ресурсов, чтобы догонять.

Необходимость сохранения такой формы мироустройства порождает к жизни соответствующие доктрины, позволяющие направить объективные в целом процессы интернационализации производства именно в том направлении, которое и обеспечило бы максимизацию выгоды современных лидеров в условиях осознанной ресурсной ограниченности. Еще в начале 70-х годов Збигнев Бжезинский в работе «Между двумя эпохами» одним из первых выдвинул в качестве важнейшей стратегической цели Запада идею формирования системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. Со временем эти идеи развились в теорию глобализма, который и стал той самой «идеологической начинкой» глобализации, а точнее – евроамериканской экспансии.

Фактически глобализм как способ территориальной экспансии выступает в форме политики нового экономического, технократического, информационного империализма, понимаемого как вершина капиталистического типа организации общества и основанного на соответствующем лидерстве Запада и приоритете созданных им ценностей по отношению к ценностям и достижениям других цивилизаций и культур. При этом не следует путать глобализм с глобализацией - ни с ее теоретической конструкцией, ни с североатлантической экспансией. Если глобализм является идеологической основой современной политики государств, находящихся на вершине мировой иерархии, то евроамериканская глобализация выступает как результат его практического воплощения в жизнь в условиях современного развития процессов интернационализации и углубления МРТ.

И здесь возникает очень большой соблазн пойти на поводу у эмоций и выбрать самый легкий путь, рассматривая в

качестве причины развития мировых экономических процессов в данном ключе некий «злой умысел» или заговор развитых государств против развивающихся стран как потенциальных конкурентов в случае возможного чисто теоретически экономического прорыва этих стран. Конечно, неудачи российских реформ и наши современные экономические проблемы проще всего было бы списать на каверзы зловредного «дяди Сэма». Да вот только дело не в изначальной испорченности американской нации, а в совсем иных, гораздо менее сенсационных причинах.

В основе практически реализуемой идеологии глобализма лежит вполне объективная потребность развитых стран Запада во главе с США не просто сохранять достигнутый чрезвычайно высокий уровень социального, экономического и технологического развития и свою значимость в современном мире и обеспечивать свое существование, не скатываясь в деградацию, но и развиваться дальше. Этот уровень, подчеркнем еще раз, действительно чрезвычайно высок, поэтому современных условиях его поддержание и дальнейшее развитие возможны только с опорой на освоение и использование пространственно-ресурсного потенциала всей планеты, подстраивание его под свои потребности и интересы, подчинение этому процессу своих связей с экономиками других стран, а следовательно, и сами эти экономики.

Параллельно с обострением конкуренции за различные виды ресурсов на современной стадии развития МРТ возникает также еще одна проблема, связанная с реализацией конечного продукта, становящаяся во главу угла самого существования большинства современных корпораций и фирм, независимо от их размеров и конкретных масштабов деятельности. Освоение зарубежного рынка становится ведущим элементом всего процесса хозяйствования. Как отмечает М. Портер, в настоящее время торговля, как и экспорт капитала, становятся неотъемлемыми составными частями глобальных стратегий. Это касается как хозяйствующих субъектов на мик-

роуровне, так и национальных экономик в целом.⁹

Известно, что без обеспечения реализации весь воспроизводственно-экономический процесс вообще теряет смысл, однако в наши дни сама реализация становится в принципе невозможной без активного выхода на рынки зарубежных стран и мировой рынок в целом. Иными словами, в условиях постоянно ужесточающейся конкурентной борьбы процесс реализации произведенного продукта все чаще начинается не в момент его отгрузки на склад в готовом виде и даже не в момент начала самого процесса производства, а задолго до него – на стадии, когда определяются места его будущей реализации. При этом зарубежные рынки рассматриваются уже не просто в одном ряду с отечественными, а как приоритетные для успешного завершения процесса реализации, при этом механизмы функционирования этих рынков в большинстве случаев приводятся в соответствие с потребностями и интересами ведущих мировых продавцов.

Этому способствует, прежде всего, активная деятельность ТНК. Их число стремительно растет, и если в 1997 г. в мире насчитывалось примерно 53 тысячи ТНК, то в 2000 г. их число превысило 60 тысяч, а количество их зарубежных филиалов возросло за этот период с 450 тысяч до 800 тысяч.¹⁰

Современные ТНК, так же как и ранее - крупные национальные компании, появились не по чьему-либо заранее составленному «проекту», а стали стихийным результатом постепенного накопления изменений в науке, технике, организации и экономике производства и сбыта. Объективные закономерности рыночной экономики, основанной на конкуренции и естественном стремлении к максимизации прибыли, выводили именно на этот путь, который, в свою очередь, требовал соот-

⁹ Портер М. Международная конкуренция. М., 1993, С. 27.

¹⁰ Долгов С.И. Проблемы глобализации – проблема продолжается. Шок глобализации // Внешнеэкономический бюллетень, 2002, №11, с. 7

ветствующей внешнеэкономической политики, прежде всего, либерализации международного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы. То есть объективно обстоятельства сложились так, что для определенных стран или транснациональных акторов стало возможно получение выгод от происходящих в мировом масштабе процессов, что помогло им оказывать на эти процессы определенное воздействие, направляя их в русло своих интересов.

Наиболее наглядно это проявляется в финансовой сфере, где благодаря революции средств передачи информации стало технически возможным стягивание мира в единое финансовое пространство. Атрибутом глобального финансового рынка стало его сближение и переплетение с международным информационным комплексом. Сформировался глобальный финансово-информационный комплекс, который представляет собой многоуровневую систему взаимоотношений между ее агентами, основанную на современных информационно – коммуникационных технологиях. Создание интегрированного финансово-информационного комплекса явилось важнейшим фактором изменения конфигурации международной финансовой системы. Крупные финансовые компании и банки строят свою работу не по страновому, как это было раньше, а по отраслевому принципу, понимая отрасль в глобальном масштабе. Они все чаще объединяются в финансовые конгломераты.

Революция средств банковских коммуникаций породила принципиально новое явление - геофинансы, т.е. финансы действительно планетарного масштаба, способные практически беспрепятственно перетекать через ставшие для них абсолютно прозрачными национальные границы. В их структуре львиную долю занимают так называемые виртуальные финансы, оторванные от воспроизводственных циклов и носящие спекулятивный характер.

Неолиберальные концепции глобализации уделяют ее финансовому аспекту особую важность, поскольку не ограниченное какими-либо барьерами движение

финансовых ресурсов, а фактически, их свободное перемещение в страны-лидеры, находящиеся на вершине мировой иерархии, обуславливает сохранение и развитие формирующейся там цивилизации более высокого технологического порядка, способом существования которой стала постоянная подпитка извне. Международные финансовые отношения в настоящее время превратились в действенный инструмент перераспределения финансовых ресурсов и обеспечения экономического роста, но не в глобальном масштабе, как это принято утверждать в ряде публикаций неолиберальной направленности, а в масштабе стран, в которых в большей или меньшей степени сформированы основы постиндустриального общества.

Либерализация экономики, особенно финансовых отношений, становится угрожающей для экономической безопасности современных государств, далеких от мирового экономического лидерства. Если в условиях сохранения ряда экономических ограничений национальное государство имеет определенную возможность регулирования внутренних валютного, фондового и денежного рынка, то в условиях либерализации валютных и финансовых рынков транснациональный капитал при желании может обрушить финансовую систему практически любой страны.¹¹ Это наглядно подтверждают финансовые кризисы, прокатившиеся по странам Полупериферии в конце минувшего века, и продемонстрировавшие, что политическая независимость государств, находящихся в этом сегменте мировой экономики, отнюдь еще не гарантирует им экономической и

¹¹ Особую опасность представляет бурный рост рынка производных финансовых инструментов. К концу XX века объем деривативов в мире достиг 238,5 трлн. долларов. Объем евровалютных депозитов приближается к 10 трлн. долларов. Для сравнения: объединенный фонд 23 развитых стран составляет примерно 550 млрд. долларов, что несопоставимо с оборотом финансовых рынков. Поэтому вряд ли эти страны способны противостоять спекулятивным атакам, даже если смогут согласовать свою политику.

финансовой независимости. Современные ТНК и ТНБ, специализирующиеся на крупных финансовых спекуляциях, весьма хорошо осведомлены о конъюнктуре мировых денежных рынков и зачастую видят слабости финансовых систем отдельных стран лучше национальных правительств.

Существуют отработанные приемы, получившие на Западе название «асфальтирования» национальных финансовых рынков. Их сущность сводится к тому, чтобы добиться резкого падения валютных курсов и курсов государственных и корпоративных ценных бумаг в избранной в качестве «жертвы» стране, извлекая на этом гигантские сверхприбыли и забирая с собой, покидая обрушившиеся рынки, значительную часть примкнувшего спекулятивного национального капитала. При этом существует весьма определенное взаимодействие между ТНК, ТНБ и международными финансовыми организациями. Последние обуславливают предоставление кредитов полупериферийным странам необходимостью проведения монетаристской политики, направленной в конечном итоге на создание в этих странах гипертрофированного финансового сектора, представляющего собой безграничное поле деятельности для финансовых спекулянтов. Но это не проявление изначальной «злой сущности», а всего лишь – один из доступных способов максимизации прибыли.

Тезис об определенном сращивании интересов двух современных регуляторов мировой экономики – ТНК и международных финансовых институтов подтверждает то обстоятельство, что до настоящего времени не разработаны какие-либо международные нормы и правила, регламентирующие перемещение краткосрочных капиталов с целью сведения к минимуму возможного ущерба от предполагаемых спекуляций.

При этом в реальной действительности сразу бросается в глаза резкое противоречие между неолиберальными рецептами, предписывающимися странам, пытающимся интегрироваться в мировой рынок, в том числе и постсоциалистическим

государствам с трансформирующейся переходной экономикой, делающими упор на ослабление экономической роли государства, дерегулирование и либерализацию, с одной стороны, и тем, как неолиберальные принципы реализуются на практике в самих развитых государствах, где неолиберализм возведен в ранг официальной доктрины. Ни одна из современных развитых стран Запада не применяет в своей практике тех радикальных вариантов, которые, в частности, навязываются нуждающимся в кредитах МВФ странам – членам в качестве условия выделения займов.¹²

В настоящее время в развитых странах Запада реально происходит не свертывание экономической роли государства, а изменение его хозяйственных функций в сторону более активного участия в борьбе за мирохозяйственные позиции, имеет место не дерегулирование, а трансформация самого государственного регулирования, вследствие чего последнее приобретает большую гибкость, действенность и маневренность. По сути своей неолиберализм не менее циничен и лицемерен, чем любая идеология двойной морали, предусматривающая дифференциацию блага для самого себя и блага для всех остальных.

Современное западное государство, основанное на принципах рыночной экономики, на практике осуществляет повсе-

¹² Фактически в развитых странах Запада с каждым годом возрастают объемы перераспределяемого через бюджет ВВП, увеличивается доля ассигнований государства на развитие науки, производственной инфраструктуры, на создание наиболее выгодных условий для конкурентоспособных производителей на внутренних и зарубежных рынках. Согласно оценкам американских аналитиков, в 1999 году объем произведенного ВВП США составлял около 9,3 трлн. долларов, доходы федерального бюджета оценивались в размере 2,01 трлн., расходы – чуть больше 1,9 трлн. долларов. При этом *государственное потребление* федерального правительства составляло 589 млрд. долларов или 31 % от расходной части федерального бюджета, а доля суммарного потребления федерального правительства, штатов и муниципальных органов управления достигла в 1998 – 1999 годах 47,7% ВВП США.

местное вмешательство в хозяйственную жизнь в интересах обеспечения максимальной конкурентоспособности по сравнению с другими экономиками, а также с целью смягчения социальной и политической напряженности на своей территории посредством использования налоговых и иных механизмов перераспределения доходов. Именно усиление этих функций и является одним из наиболее реальных признаков разворачивающихся процессов, получивших название глобализации. Противоречия в рамках действия этих процессов ведут к повсеместному усилению социально-экономической роли национального государства через механизмы финансового перераспределения. Посредством таких механизмов современное общество приводит в жизнь широкие социальные программы, которые, таким образом, выводятся из-под действия жестких законов рынка. К ним относятся поддержка здравоохранения и организация бесплатного общедоступного образования, в том числе и высшего, других секторов социальной сферы. Во Франции и Великобритании государственная поддержка образования составляет 80%, в Германии доходит до 85%. В то же время в современной России по официальным данным поддержка высшего образования не превышает 50%, фактически же университеты живут при 30 – процентной поддержке государства.¹³

При том, что неолиберализм в принципе отказывает полупериферийным странам в праве регулировать стихию рынка, именно национальное государство может рассматриваться как гарант сохранения имущественных отношений, правовых норм и институтов, которые лежат в основе функционирования современных рынков. Даже сама стабильность денежного

обращения определяется и во многом зависит от стабильности национального государства. И именно государство может стимулировать в России развитие тех отраслей, которые могут стать движущими силами ее постиндустриализации.

Иного варианта постиндустриализации для России в ее нынешнем состоянии сегодня не существует. Дальнейшая либерализация и свободный доступ ТНК на российский рынок, вопреки неолиберальным иллюзиям, к желаемому экономическому и технологическому прорыву не приведут. Отдельные вкрапления постиндустриальных укладов, обслуживающие интересы ТНК, не могут стать источниками такого прорыва как раз в силу обслуживания этих интересов. Транснациональные корпорации обеспечат научно-технический прогресс в России ровно настолько, насколько это будет необходимо для сбыта их продукции, но не более того. Основная проблема, решение которой необходимо России, - «капитализация» сохраняющихся у нее возможностей, влияния и потенциала с тем, чтобы не допустить дальнейшей деградации национальной экономики, обеспечить устойчивый экономический рост на базе перспективных с точки зрения современных тенденций отраслей и на этой основе занять более прочное положение в мировом сообществе. Насколько успешно Россия сегодня справится с решением этих задач, и определит ее дальнейшую судьбу в том мире, частью которого она уже стала.

Статья поступила в редакцию 16.11.2004

¹³ Садовничий В. Как избежать «утечки мозгов» // Известия. Наука. 2002. 28 июня.